

Sara Blaedel
De Glemte Piger

Сара
Блэгдэлъ

ЗАБЫТЫЕ

Москва
2018

УДК 821.113.4-312.4
ББК 84(4Дан)-44
Б70

Sara Blaedel

DE GLEMTE PIGER

Copyright © 2017 by Sara Blaedel

Перевод с датского языка доцента СПбГУ *А. Н. Ливановой*
и журналиста-международника *П. М. Прохорова*

Разработка серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Фото автора Photo credit Les Kaner

Блэдэль, Сара.

Б70 Забытые / Сара Блэдэль ; [пер. с дат. А. Н. Ливановой]. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Новая скандинавская сенсация).

ISBN 978-5-04-090833-2

В приозерном лесу найден труп неизвестной женщины, которая разбилась, упав с утеса. Похоже, она вела странный образ жизни и никогда не занималась своим здоровьем: ноги не знали обуви, зубы в страшном состоянии, на лице — плохо залеченный след от ожога. Именно по этому следу, когда полиция уже отчаялась установить личность, ее опознала бывшая санитарка интерната для слабоумных. Опознала к собственному ужасу: ведь она была уверена, что покойная и ее сестра-близнец умерли в юном возрасте двадцать лет тому назад...

Сара Блэдэль четырежды называлась самым популярным романистом Дании по результатам читательского голосования. Она является обладательницей высшей литературной награды страны — «Золотого лавра». Известность «королевы датского детektива» при этом простирается далеко за пределы родины и вообще Скандинавии; книги Блэдэль — международные бестселлеры, опубликованные в тридцати семи странах.

УДК 821.113.4-312.4

ББК 84(4Дан)-44

© Перевод с дат. яз., Ливанова А.Н., 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-090833-2

Мамочка моя родная
я так хочу к тебе
знала бы ты только
как меня мучают
лежу в постели
скрученная ремнями
в перчатках
мамочка моя
я хочу к тебе.

*Из «Книги Сольборг»
Сольборг Рут Кристенсен*

Бука утащит, Бука утащит, стучало у неё в ушах, а ветки деревьев и камни тропинки царапали кожу у неё на ступнях и на лодыжках. В голове шумело, а сердце сжималось от страха.

Она шла на свет, на то единственное пятнышко света, которое едва виднелось далеко впереди. Этот просвет во тьме, этот белый отсвет затягивал её всё глубже в лес. С трудом переводя дыхание, не понимая, где она очутилась, напуганная, она продиралась вперёд между деревьями.

Страх темноты крепко сжимал ей горло. Так было всегда, с самого детства, когда от неё требовали гасить свет и ложиться спать. А то придёт Бука и утащит её.

«Бука, Бука, Бука», — ритмично отзывалось у неё в ушах. Она не успела увернуться, и скользнувшая по щеке ветка оцарапала ей лицо.

Она остановилась, перевела дух и некоторое время стояла в тени высоких деревьев, вздымавшихся вокруг, не шевелясь, окружённая глубокой темнотой со всех сторон. Ноги у неё дрожали от изнеможения. Напуганная звуком собственного плача, она осторожными шажками двинулась вперёд, не отрывая взгляда от далёкого просве-

та впереди. Ко всему прочему, если она смотрела прямо туда, свет слетил её.

Она не знала, как получилось, что ей удалось выскользнуть. Дверь оказалась приоткрытой, и они не заметили, как она проскочила в дверной проём. Её переполняла радость от того, что она увидела солнце, оно согревало её и манило к себе, но с того времени прошло уже много часов, а теперь ей было холодно и страшно.

В какой-то момент она так обессилела от голода, что ей пришлось присесть, и она не знала, сколько времени так просидела. Наступили сумерки. В голове у неё крутились обрывки непонятных образов, и в конце концов они так взбудоражили её, что она снова поднялась на ноги. Она не привыкла к тому, чтобы нарушался привычный порядок, и понимала: оказаться в одиночестве плохо. Не только ей, но и оставшимся там, откуда она ушла.

Она прибавила шагу, продвигаясь всё ближе навстречу белому пятну света. Какая-то неодолимая сила влекла её туда, заставляя забыть о боли и о посторонних звуках. Она уже здорово поднаторела в этом. Но вот справиться со страхом она так и не научилась. Ей обязательно нужно выбраться из этой тьмы, а то придёт Бука и заберёт её.

Теперь уже совсем немного остаётся, надо только продвинуться ещё чуть-чуть вперёд, обойти последние деревья. Когда вдали показалось озеро, залитое лунным светом, сердце перестало биться так сильно. И как раз когда она уже замедлила было шаг, земля внезапно ушла у неё из-под ног.

Четыре дня. Столько времени прошло с тех пор, как в лесу обнаружили труп женщины, а полиции всё ещё не удалось установить её личность. Никакой зацепки так и не нашли, и Луиза Рик пребывала в дурном расположении духа, когда заехала на парковку Института судебной медицины в первой половине дня понедельника.

Вскрытие начали в 10 часов, и было как раз начало одиннадцатого, когда в кабинет заглянул начальник отдела расследований Рагнер Рёнхольт и велел Луизе отправляться туда ассистировать её коллеге, Эйку Нордстрёму. Незадолго до этого из института сообщили, что принято решение присвоить делу более высокий гриф, так что образцы тканей будут отправлены также и на анализ ДНК.

Шла вторая неделя пребывания Рик в должности руководителя Службы розыска пропавших — только что образованного нового подразделения. Ежегодно 1600—1700 датчан объявляли пропавшими. Многие находились сами, некоторых находили мёртвыми, и, по оценке Государственной полиции, примерно в пяти случаях нераскрытых исчезновений речь могла идти о преступлениях.

Именно такие дела и призвана была расследовать руководимая Луизой служба.

Рик вышла из машины и захлопнула дверцу. Женщина не понимала, для чего она понадобилась на вскрытии, если Эйк Нордстрём уже был там. С ним она пока не встречалась, потому что последние четыре недели он находился в отпуске — это был единственный сотрудник отдела, с кем она пока не познакомилась.

Именно Луиза, изучив в пятницу вечером список пропавших лиц, констатировала, что ни одна из женщин, которые разыскивались родными, не походила по описанию на ту, что нашли в лесу. Возможно, Рёнхольт просто счёл, что поэтому ей следует присутствовать и на вскрытии покойной? Либо, подумалось ей, это, может быть потому, что она служила раньше в отделе расследования убийств и имела больше опыта в том, что касается процедуры вскрытия, чем её новые коллеги.

Вообще-то было как-то странно, всего неделю как ступив на новую стезю, получить задание, которое ей представлялось вполне рутинным. Луиза уже успела забыть, как поначалу неуютно чувствуешь себя, перейдя на другую работу. Никак не запомнишь, кого как зовут, не знаешь, где стоит копировальная машина... Первая неделя ушла у неё на то, чтобы навести порядок в «Крысином гнезде». «До чего дурацкое название, — подумала она, — хоть бы уж не прилипло навсегда!» Ей уже порядком поднадоели подначки коллег по поводу этих давно пустовавших помещений в самом конце коридора. Кабинет, где поместились бы двое сотрудников, располагался прямо напротив кухни, и туда никого не селили с тех самых пор, как прошлой весной служба дератизации вытравила наконец оттуда сильно расплодившееся крысиное семейство. Теперь никаких крыс там не

было, никому они не попадались, заверил Луизу новый начальник.

Рагнер Рёнхольт сделал всё возможное, чтобы создать нормальные условия для работы нового подразделения. Были закуплены новые письменные столы, современные доски для объявлений и комнатные растения. Сам инспектор полиции питал слабость к орхидеям и, очевидно, считал, что для того, чтобы вдохнуть жизнь в давно не использовавшееся помещение, необходимо озеленить его. Это, разумеется, само по себе было немножко странно, подумала Луиза. Но на самом деле для неё главным было то, что она не могла не заметить увлечённости Рагнера этим проектом. Было ясно: этот человек решительно настроен на то, чтобы его новое подразделение поскорее заработало в полную силу. На то, чтобы оправдать необходимость существования специализированного подразделения, им отвели один год, и Рик должна была во что бы то ни стало показать, на что они способны. С Отделом расследования убийств она распрощалась, так что, если её новое назначение паче чаяния не оказалось бы постоянным, она рисковала очутиться на должности следователя в каком-нибудь захолустном отделении полиции на периферии округа.

— Решай сама, с кем ты хочешь работать, — великодушно заявил Рёнхольт, поведав ей о намерении поставить её во главе Службы розыска пропавших.

С тех пор Луиза не раз размышляла о том, кто бы мог подойти для такой миссии. Со всеми, оставленными ею в окончательном варианте списка, она когда-либо уже работала. Всё это были опытные и знающие люди.

Первым в списке значился Сёрен Велин из транспортной службы. Он привык к разъездам по всей стране и хорошо знал многих сотрудников отделений на местах. Но Велина вполне устраивала его настоящая должность, и Луиза не знала, легко ли будет его уговорить, тем более что ещё неизвестно, будет ли предложенная Рёнхольтом ставка соответствовать по деньгам той, на которой Сёрен состоит сейчас.

Следом шёл Сейр Гюллинг из Отдела расследования мошенничеств. Он подходил к делу творчески и наверняка прекрасно вписался бы в команду Луизы Рик, но, будучи альбиносом, плохо переносил яркий дневной свет, а она не была уверена, что будет в состоянии постоянно работать с опущенными шторами. Но можно было не сомневаться в том, что ему нет равных в умении ориентироваться в международных системах поиска пропавших и объявленных в розыск.

И наконец, был ещё Ларс Йоргенсен, её последний напарник в отделе расследования убийств. Они изучили друг друга вдоль и поперёк, и Рик была уверена, что всегда сможет на него положиться. Не сомневалась она и в том, что работа такого рода вполне соответствует как его темпераменту, так и семейному положению одинокого отца двух усыновлённых мальчишек из Боливии.

Так что выбирать было из кого, просто Луиза всё ещё никак не могла решить, на кого сначала ей стоит закинуть удочку.

Она увидела, что перед дверью в отделение, где проводились вскрытия, сидит на корточках Осе из Центра судебно-технических экспертиз, а рядом стоит её сумка. Когда Луиза приблизилась к

этой хрупкой женщине, та улыбнулась ей и поднялась на ноги.

— Мы сразу, как только начали, сделали для вас несколько снимков, — сказала Осе, когда они поприветствовали друг друга. — Только лицо, на тот случай, если вы решите обратиться за помощью в установлении её личности к общественности.

— Да, похоже, это может оказаться необходимым, — призналась Луиза, хотя опубликование подобного рода фотографий всегда вызывало у многих недовольство. Люди считали, что демонстрировать вот так лица погибших было слишком уж безжалостно.

Когда техник-криминалист кивком показала в ту сторону, где располагались помещения для проведения вскрытий, взгляд её зелёных глаз был серьёзен.

— Эту-то женщину опознать будет нетрудно, если у неё вообще остались какие-нибудь близкие, — сказала она. — Вся правая сторона её лица обезображена шрамом, по всей видимости, от ожога. Шрам тянется вниз по шее и плечу, так что если её ещё не объявили в розыск, то фотография, пожалуй, лучше всего поможет вам в установлении её личности.

Рик кивнула, но не успела ничего сказать, поскольку в этот момент показались идущие в их сторону Флемминг Ларсен и два техника-лаборанта. Увидев Луизу, высокий патологоанатом широко улыбнулся.

— Вот это да, а мы-то думали, что ты к нам больше ни ногой! — радостно воскликнул он, обнимая её. — А если честно, я даже боялся, что тебе вдруг пришлось в голову перейти в другой отдел, лишь бы только не иметь больше дела со мной.

— Да неправда, ты так не думал, — подхватила Рик, с улыбкой покачав головой.

Луиза сотрудичила с Флеммингом Ларсеном все те восемь лет, что состояла в Отделе расследования убийств. Ей нравилось там работать, и она вообще-то полагала, что останется там до самого выхода в отставку, но теперь, когда Виллумсена там больше не было, а новым руководителем группы был назначен Микаэль Стиг, Рик без колебаний согласилась принять предложение, с которым к ней обратился Рёнхольт.

— А Эйк Нордстрём уже там? — спросила она, кивнув в сторону двери, ведущей в помещения прозекторской.

— Кто? Какой ещё Эйк? — спросил Флемминг, недоуменно посмотрев на неё.

— Эйк Нордстрём из Отдела расследований.

— Не слышал о таком, — сказал Ларсен. — Впрочем, неважно, пойдём. Мы уже провели предварительный наружный осмотр тела, и я могу тебе сразу же рассказать основное.

Луиза была немало удивлена отсутствием своего коллеги, но ничего не сказала. Придержав дверь для Осе, она вошла вслед за ней в тесный предбанник, где были аккуратно развешаны халаты и расставлены резиновые сапоги.

— Что нам известно об этой женщине? — спросила она, надевая халат и шапочку.

— Пока ещё не так много, кроме того, что её обнаружил лесоруб у озера Авнсё в Центральной Зеландии, в первой половине дня в четверг, — сообщил Флемминг, протягивая ей зелёную хирургическую маску. — Осмотр трупа позволяет заключить, что смерть наступила в среду или в ночь со среды на четверг. В полиции считают, что она

или упала, или соскользнула с утёса высотой в несколько метров и неудачно приземлилась. В пятницу предварительный внешний осмотр трупа провели в полиции Хольбека, и, посоветовавшись со своим медиком, тамошние полицейские пришли к выводу, что необходимо произвести вскрытие. И это потому, разумеется, — добавил он, — что на момент происшествия рядом никого не было, а ещё потому, что мы не имеем представления о том, кто эта женщина. И именно поэтому я решил придать вскрытию более высокий статус и сделать анализ ДНК.

Луиза согласно кивнула. При необходимости установить личность пострадавших всегда в первую очередь делаются анализ ДНК и снимок зубов. Как же странно, что Эйк Нордстрём так и не появился, а то кто-нибудь из них двоих мог бы сразу же отправиться на поиски зубного врача погибшей, раздражённо подумала она.

— Я, пожалуй, не побоюсь утверждать, что мы тут имеем дело с не совсем обычной женщиной, — продолжил Флемминг и рассказал, что это стало понятно ещё в процессе осмотра одежды, которая была на трупе, пока они даже не приступили к вскрытию, и подтвердилось и при внешнем осмотре тела, с которого принято вскрытие начинать. — Или, уж во всяком случае, эта женщина жила не совсем обычной жизнью, — счёл он необходимым смягчить свои же слова.

— Мы пробили её пальчики по системе, но не выявили никаких совпадений, вставила Осе. — Я думаю, может, она иностранка?

Флемминг Ларсен кивнул, соглашаясь, что такая возможность определённо существует.

— Во всяком случае, абсолютно ясно, что уже много лет она не участвовала в социальной жизни ни в какой форме, — уточнил он. — Пойдём, покажу, о чём я.

Судебный медэксперт двинулся вперёд по выложенному белой плиткой коридору, по правую сторону которого располагалось подряд несколько отсеков для проведения вскрытия. Внутри каждого из этих отсеков стояли патологоанатомы, склонившиеся над стальными столами, на которых покоились бездыханные человеческие тела. Увидев уголком глаза на одном из столов грудного младенца, Луиза поспешно отвела взгляд.

— Когда мы ещё до начала вскрытия сканировали голову погибшей, стало совершенно очевидно, что её мозг изборождён глубокими складками, — разъяснил Флемминг. — Проще говоря, у неё там целая система пустот, так что о высокой активности этого органа говорить не приходится.

— То есть ты хочешь сказать, что она была психически недоразвита? — изумилась Рик.

— Ну, новым Эйнштейном она точно не стала бы.

В конце коридора располагалось помещение, где проводились вскрытия в тех случаях, когда причиной смерти являлось или предполагалось убийство. Этот отсек, скрывавшийся в самом дальнем закутке, вдвое превосходил по площади остальные, так что здесь легко помещались и полицейские, и техники-криминалисты, но оборудован он был так же, как и все прочие: стальной стол, широкая раковина, яркое освещение.

Луиза не могла бы, собственно, сказать, что лежавшая на столе в центре комнаты женщина

была неухоженной. Нет, она не выглядела неопрятной, но уж и холёной её ни в коем случае назвать было нельзя. Её длинные волосы спутались, ногти были давно не стрижены, а больше всего бросался в глаза обширный шрам, покрывавший одну её щёку. Из-за него уголок глаза был несколько опущен, придавая лицу женщины горестное выражение.

— Зубной врач был, мягко говоря, изумлён результатами осмотра, — проговорила Осе, доставая из сумки фотоаппарат. — Он сказал, что настолько запущенный рот редко увидишь. Зубы этой женщины все поедены кариесом и стоят очень криво.

Флемминг кивнул.

— Очевидно, ей никогда даже не пытались исправить прикус, а её верхняя челюсть поражена далеко зашедшим пародонтозом, — сообщил он. — Несколько зубов она уже лишилась.

Рик устроилась на высоком табурете, который она придвинула поближе, когда Ларсен приступил к исследованию полостей тела. Органы уже были извлечены из него и разложены на стальном подносе возле раковины.

— Мы имеем дело с вполне взрослой женщиной, но какого она была возраста, мне сложно определить, — проговорил патологоанатом, склонившись над телом. — Взять, к примеру, этот её приметный шрам — я совершенно убеждён, что ей не проводилось никакого лечения по этому поводу. Речь идёт о давних и весьма значительных повреждениях тканей. Возможно, это был химический ожог.

Последнее предположение он высказал в задумчивости, по всей видимости, размышляя над особенностями этой травмы.